

Глава 1

ПТИЧИЙ КРИК

«...Ум больных первого типа целиком погружен в размышление, так что воображение их пребывает в отдохновении и праздности; напротив, у больных второго типа воображение трудится непрерывно. Первые грустны, сосредоточены на одном-единственном предмете, придавая ему — но только ему — непомерно большое значение, что всегда сопровождается грустью и страхом. Больной рас судок вторых искажает любые представления: либо они перестают соответствовать друг другу, либо искажается их смысл; вместо грусти и страха характерны дерзость и буйство. В любом случае нарушается важнейшее соотношение истины и мысли во всей ее совокупности.

Когда болезнь проявляется во весь ужасный рост свой, различия между первой и второй разновидностью ее несомненны для любого. Но при ранних проявлениях ее лишь искуснейшие врачи, по воле Аллаха, сумеют обнаружить отличия. Поскольку причиной обеих разновидностей болезни является движение животных духов».

Книга о неистовстве и слабости

Дрозды орали.

Придворный поэт сказал бы, что на самом деле они поют, и сам тут же сочинил бы нечто сладкозвучное о птичьих голосах, звучащих подобно ангельскому зову. Но голоса певчих птиц — это ведь вопли, предупреждающие или угрожающие. А что они мелодичны, так звонкий перестук боевой

стали тоже мелодичен. Вот только от его звука цепенеет сердце.

Если уж сабли запели, то им не прикажешь остановиться, пока их лязг по каким-то своим законам не стихнет. Птицам не прикажешь тоже. Они умолкнут лишь летом, когда это прикажет их собственный закон, повелевающий заботиться о выводах. Если уж настало время птенцов выкармливать, то не до воплей — и без того хлопот полон рот.

Да... Птенцов...

Ей еще предстоит поставить на крыло двух своих птенцов. Их больше — но об этих двоих, кроме нее, никто иной не позаботится.

Кёсем знала, что при этой мысли возле ее глаз должны пролечь страдальческие складки. Сейчас, в темноте опочивальни, — можно: никто не увидит. Эта мысль вдруг тоже показалась горькой.

Одна. На всю оставшуюся жизнь — одна, даже если будут еще встречи, тайные и явные, дневные или даже ночные... Ноша одиночества хасеки, жены покойного султана, тяжка. Ее не сбросить с плеч, и когда станешь валиде, матерью следующего султана. Многим султаншам выпало гнуться под тяжестью этой ноши, но тебе предстоит ощутить ее дважды. И никто не должен увидеть горестных морщин на твоём лице...

Даже малолетняя служанка, сладко спящая в изножье кровати. Вот такое оно, одиночество валиде и хасеки.

«Постой-ка... Ты что же, начинаешь жалеть себя, моя дорогая? Вот уж чего точно не подобает делать! Ни валиде, ни хасеки, ни наложнице-икбал, ни избраннице-гёзде. Ни юной служанке-гедиклис. У бабушки Сафие ты за такие мысли уже заработала бы полдюжины горячих по мягкому!»

Тут Кёсем улыбнулась. «Бабушка Сафие», валиде-султан, под покровительством которой она, бестолковая гедиклис, делала первые шаги в гареме, навсегда осталась для всех своих воспитанниц непререкаемым авторитетом. А мысли она

действительно умела распознавать куда раньше, чем те облекались в слова.

Этим искусством Кёсем и сама теперь владела мастерски. Но все равно чувствовала: до Сафие-султан ей еще далеко.

И в самом деле, хватит себя жалеть. Это лишь в бедных домах служанка ночует возле ног госпожи, оттого что той ее особо положить больше негде, ведь и сама-то хозяйка «госпожа» только по названию. Во дворце места хватит на всех и на все. Но младший гарем надо пополнять даже тогда, когда вроде бы незачем. Сейчас как раз незачем: очень нескоро предстоит ему вступить в игру, судьба до той поры неизбежно перетасует все игральные кости. Однако хасеки все равно должна присматриваться к тем гедиклис, что по возрасту подходят ее сыну.

Младшему из сыновей. Из тех сыновей, что растут во дворце. И о которых всем известно.

Эту малявку, что прислуживала ей вечером, зовут... Пынар? Дере? Кёсем вдруг поймала себя на том, что не может вспомнить ее имя. А ведь девчонка не первая попавшаяся, она обычно прислуживает ее ближайшей помощнице, Хадидже-первой, старшей из «девочек Кёсем»...

Вот как время летит. У «девочек Кёсем» уже есть свои девочки, служанки-воспитанницы... и их имен ты уже не упомнишь. Наверно, так и подступает старость?

Да нет же, вздор! До старости еще далеко. Куда старше была Сафие-султан, а таких оплошностей не допускала.

Где ты сейчас, наставница? Смотришь ли из своего далека на выученных тобой девочек? Немного их осталось, по-разному сложилась их судьба...

Женщина осторожно поднялась, сумев не потревожить сон безмятежно дрыхнувшей гедиклис, имя которой так и не вспомнила. В темноте нащупала тонкий шелковый халат, вдела босые ноги в сафьян туфель. Подошла к окну, отдернула занавеску, но ничего не увидела во тьме: душная ночь накрывала дворец словно шерстяным одеялом, липла к полу струйками пота.

Еще нескоро раздастся крик муэдзина, призывающий правоверных на первую молитву. Покамест лишь птицам за окном дано почуять близость подступающего утра. И они вопят — громче любого муэдзина.

Кёсем снова улыбнулась, представив, какое выражение появится на лице придворного поэта, получившего приказ воспеть эту мысль в стихах. Впрочем, даже наилучший придворный поэт отличается от певчей птицы тем, что готов умолкнуть по первому же слову. Это большое преимущество.

Наружная дверь из опочивальни вела на открытую веранду. Засов был тщательно смазан, щеколда ходила в петлях неслышно. Это, разумеется, было заведено не для того, чтобы щадить сон служанок, — но пусть уж еще немного подремлет девочка...

Дениз, вот как ее зовут. Не «дере» — ручеек, не «пынар» — источник, что куда больше бы подошло: нечто звонкое, мелкое, щебечущее, а сразу море — «дениз». Кто же так назвал эту малолетнюю гедиклис? Впрочем, это первое из гаремных имен, ничего не значащее, его в любом случае вскоре менять. Но все равно любопытно.

Будь спокойна в своем небесном далеке, Сафие-султан: твоя воспитанница все-таки помнит имена даже младших из своих служаночек.

Она бесшумно распахнула дверь — и замерла. Дежурный евнух стоял снаружи, прямо напротив нее, его правая рука была вытянута вперед, а пальцы, когтяще скрюченные, были устремлены чуть ли не к лицу Кёсем, к ее глазам.

Евнух тоже замер, не завершив движения. Даже, кажется, дышать перестал.

— Я сберегла твои силы, Зеки, — спокойно произнесла Кёсем. Его-то имя ей долго вспоминать не пришлось. — Ты собирался осторожно поскрестись в дверь, опасаясь разбудить меня стуком, но теперь можешь даже этого не делать. Сам видишь: не сплю. Говори.

— Я, госпожа... — едва сумел выдавить из себя Зеки, задрожав всем телом, — я не хотел...

— Тебя никто и не обвиняет в том, что ты намеревался убить меня, — сказала Кёсем еще спокойней и еще тише. Иначе бедолага, чего доброго, сейчас повалится в обморок. — Или зря разбудить. Без веской причины. Так говори же.

— Он... Он снова ходит, госпожа. — Евнух нервно сглотнул. — Ты приказывала, если это возобновится...

Да. Она приказывала известить ее сразу. Но как же хотелось верить, что этот приказ был отдан втуне, что лечение помогло и Мустафа, султан Блистательной Порты, несчастный мальчик, навсегда застрявший в своем туманном вневременье, сумеет обрести покой хотя бы по ночам.

— Веди.

Для прогулок с невидимыми спутниками Мустафа выбирал самые разные пути, да и вообще султан, даже безумный, в своем дворце волен ходить повсюду. Приходилось эту волю как-то неявно ограничивать, закрывая ворота или обустроивая изгороди там, где даже султану (особенно султану!) показываться слишком опасно, — во всяком случае, пока он в безумии. Но дворец велик, выбор безумца непредсказуем, поэтому Кёсем понятия не имела, куда сейчас поведет ее Зеки.

Только один раз оглянулась — не на звук, а на шевеление воздуха. Заспанная гедиклис, босая, едва успевшая набросить на себя шаль, торопливо семенила следом. На вытянутых руках перед собой она торжественно несла «малый утренний набор» своей госпожи: шкатулку с благовонной жевательной смолой, флакон лимонного настоя, два черепашьих гребня.

Шли молча, быстро. Дважды стражники расступались перед ними, один раз Зеки достал ключ со сложной бородкой и отпер неприметную калитку в междворовой стене, никем не охраняемую.

Дроздиньий крик висел в воздухе, как никогда напоминая многолезвийный звенящий клинок.

— Вот здесь нужно ждать, госпожа, — прошептал евнух. Они остановились.

Времени до истинного рассвета, когда солнце высветит тонкую полосу над горизонтом и наступит срок чтения молитвы Фаджр, оставалось, Кёсем чувствовала... ну, где-то как если четырежды тот же Фаджр прочитать. Но дворик не был абсолютно темен, по углам горели масляные светильники. Это тоже было сделано по ее распоряжению, причем вовсе не для того, чтобы осветить дорогу султану: просто совсем рядом, за живой изгородью, высится спальня павильон наследников-шахзаде, а покои своих сыновей Кёсем с некоторых пор приказала охранять особо.

Кёсем знала, что снаружи бдят четверо стражников, но в самом дворе сейчас никого не было. Она оглянулась на Зеки: тот, конечно, мог ошибиться или сам Мустафа мог передумать, свернуть неизвестно куда...

— Сейчас, госпожа, — прошептал евнух. — Тут нет другого пути.

Мгновение спустя Мустафа появился из-за угла — стремительным неровным шагом, почти пробежкой. Стражников он не видел, никого он вокруг себя не видел, бедный мальчик... а того, с кем он сейчас говорил шепотом, оживленно размахивая руками, не видел никто иной. Потому что на самом деле не было никого рядом с ним.

Девчонка за спиной Кёсем вздрогнула всем телом, чуть флакон не уронила: среди служанок о безумном султানে давно уже ходили самые ужасные слухи. Эх ты, дурочка... Если и можно найти во дворце человека, от которого никому не исходит угрозы, то это будет как раз Мустафа.

Уже почти пройдя через двор, султан обернулся. Скользнул по Кёсем взглядом, мучительно наморщил лоб, словно пытаясь вспомнить или узнать, а потом сделал какой-то жест. Не то приглашая ее с собой, не то, наоборот, предостерегая...

Евнуха и Дениз он по-прежнему не замечал. А уж тем более Мустафа не заметил маленькую фигурку, вдруг появившуюся возле самой дальней из стен, той, что примыкала к павильону шахзаде.

Шахзаде и есть. Младший из них, Ибрагим. Проскользнул через потайную калитку вроде той, которую давеча открывал Зеки, вот только она не заперта на замок, потому что на самом деле не такая уж потайная, охрана о ней знает и в своих действиях учитывает. Но мальчишке вдруг захотелось пополуночничать, он считает себя отважным лазутчиком, так что незачем его смущать.

— Ступай за ним... — шепнула Кёсем евнуху.

Тот крадущимся шагом устремился вслед за Мустафой. Ибрагим тем временем успел метнуться к ограде, прижался спиной, почти исчез в сплетении обвивающих стену виноградных лоз. Теперь он может честно убедить себя, что ловко провел и безумного дядюшку, и невесть откуда взявшуюся мать.

Ну прямо черед неувязаний случилась этой ночью, шествие глухих и слепых... Кёсем поневоле улыбнулась, хотя на душе у нее скребли кошки: то, что случилось с Мустафой, не к добру.

Вдруг шахзаде дернулся, отлепившись от стены, и уставился на что-то за спиной матери, так что непременно был бы замечен, не продолжай тут все изображать слепых. Кёсем незаметно проследила за его взглядом. Ну конечно, ее сын пялился на Дениз. Та по-прежнему обеими руками держала перед собой «утренний набор» — так янычарский сотник на смотре бунчук торжественно держит, как мулла держит Коран, как ювелир — драгоценное ожерелье... А вот шаль, в которую гедиклис только что была закутана, скользнула с тела.

Под взглядом своей госпожи девчонка, будто только сейчас спохватившись, ойкнула, торопливо подхватила узорчатую ткань и грациозно задрапировалась в нее, ухитрившись при этом так и не выронить то, что держала в руках. Ну да, конечно, в такую жару улечься спать голышом простительно, а вскочив в спешке, столь же простительно обмотаться чем попало и даже узел не закрепить, госпожа оценит усердие. Разумеется, это импровизированное одеяние может вдруг

